

Свою жизнь в драматургии Алексей Арбузов начал с крупной неудачи. Точнее сказать, с провала. Это было давно, пять десятилетий назад. Для нашего юного современника — даль эрежен. Премьера давалась в Ленинграде, в Красном театре, что был на Петроградской стороне, и автор, приехавший в город своего отчуждения, шел по Кронверкскому проспекту, «красивый двадцатидвулетний», полный радужных предчувствий. Театр обнадежил драматурга: его ждет большое театральное событие.

Замах у молодого москвича, чье имя дотоле было вовсе незнакомо питерцам, да и столице тоже, был немалый. Пьеса называлась коротко «Класс». Не школьный, как теперь могли бы подумать театралы, знающие Арбузова по его лирическим, большей частью камерным циклам, а рабочий класс. Его Величество Пролетарий. И Красный театр, с его революционными традициями, решил сделать ставку на масштабную пьесу молодого дебютанта. Пресса уже заранее предвещала успех, театральная публика взбудоражена...

Автор этих строк был зрителем на этом, увы, злополучном спектакле и, как и многие другие, встретивший его начало с максимальной доброжелательностью, с каждым эпизодом, а их было очень много, погружался во все большее недоумение. Масштаб замысла оказался совсем не адекватным художественному

ЧЕРЕЗ ВСЮ ЖИЗНЬ

ДРАМАТУРГИЯ АЛЕКСЕЯ АРБУЗОВА

воплощению. Зрелье странное, неизвестно куда и зачем идущее, эпизоды мелькали один за другим, а связь их не улавливалась. Зал оживился лишь однажды — артист, игравший фабричного паренюка, пленительно, под переборы своей гитары спел романс фабричной окраины — «крутится, вертится шар голубой...» Это было живо, настоящее. Потом все началось сызнова, и присутствовавший на премьере Всеволод Мейерхольд шумно, задевая стулья, пошел к выходу; за ним робко двинулись еще несколько человек. Мейерхольд зашел за кулисы, о спектакле — ни слова и пригласил молодого неизвестного актера, спешшего уличный романс, к себе, в Москву, в свой театр. Фаилина актера была Чирков. Борис Чирков. Сним песенка и перекочевала вскоре в фильм «Юность Максима»...

А пьеса — провалилась. Ее сняли незамедлительно. Вскочил Красный театр постигла куда большая беда. Из-за какой-то халатности здание загорелось, и потом театральные острословы говорили, что первая спичка была брошена в театр Алексеем Арбузовым — его пьесой.

Молодой драматург не был обескуражен провалом, как это произошло когда-то с его

гениальным предшественником в этом же городе, в императорском театре на премьере «Чайки». Арбузов стойчески дождался финала и только тогда, поблагодарив артистов и режиссера, бодрой походкой отправился пешком на ночной московский поезд. Думается, в этой мужественности была не столько игра, сколько позиция. Был твердый взгляд на свое призвание драматурга. Была верность выбору раз навсегда избранного пути. Да, выбор. И недаром много лет спустя этим словом назовется одна из его пьес.

Выбор — с юности, когда увидел в нетопленном зале Большого драматического театра в Петрограде холодной осенью 1919 года матросов и солдат, уходивших на фронт под Пулковом, и Александра Блока, в солдатской шинели перед завесом выступающего со словом о «Разбойниках» Шиллера...

Ну что ж, неудача. Бросить Театр? Это его Любовь, первая и последняя. Расстаться со своими героями? Не предательство ли? Ов их вшел, они останутся с ним, открыл их для себя, открыл их для других...

Так и вышло. Негромкий арбузовский голос звучал все отчетливей, все уверенней на

сцене. Пьеса его стало все больше и больше носить свое, отличное от других, очертание. Поэзия слова освещала людей, быт, поступки, коллизии. Острое чувство театральности, трезвое понимание законов сцены, писательская требовательность, строго и сурово отбирающая фразы, реплики даже ремарки. Герои, недооцененные в «Классе», стол же негромко, как и сам автор, но столь же отчетливо и уверенно заявляли о себе и в комедии «Шестеро любимых», и в романтическом представлении «Город на заре», созданном им же, Арбузовым, совместно с В. Плучеком в театре-студии, и в «Дальней дороге», и в «Домике на окраине».

И в «Тане». Спустя много лет после того, как была написана эта пьеса, драматург скажет студентам Литературного института: «Мне кажется, что сейчас, после «Тани», я все время пишу одну и ту же пьесу, и последующие пьесы — это просто акты одной драмы, и каждая новая пьеса возникает из чего-то такого, чего я не сумел полностью выразить раньше».

Время ставит на место если не все, то многое. Судьба появившейся в 1938 году пьесы «Таня» не была угадана

критикой. В ней были найдены лишь дурной мелодрамализм, душещипательная сентиментальность, вторичность. Влияние Чехова и Ибсена, абсолютно естественное в становлении любого драматического таланта, было сочтено за эпигонство, хотя на самом деле это было продолжение традиций. Новое в почерке драматурга не было замечено. Однако, несмотря ни на что, ни автор, ни поверившие в него театры не сдавали позиций. Прославленная Мария Бабанова впервые сыграла роль Тани, за нею эту роль женщины, потерявшей в своем кукольном доме собственное «я» и вновь обретшей его, исполняли новые и новые актрисы. Я был на тысячном представлении «Тани» в Театре имени Маяковского. И когда после спектакля на праздничном торжестве по просьбе Николая Охлопкова поднялись все исполнительницы этой роли, их оказалось чуть ли не 15.

Утверждая свой театр, реабилитируя ставшее бранным слово «мелодрама», даже демонстративно в подзаголовке называя свои пьесы «Домик на окраине» и «Шестеро любимых» мелодрамами, Арбузов по-прежнему оставался верен найденному им в юности герою. Так, с наслаждением вер-

нулся к ним в другой пьесе, ставшей сразу же после написания крупным театральным событием, — «Иркутская история». Без этой драмы, как и без таких арбузовских пьес, как «Годы странствий», «Двенадцатый час», «Мой бедный Марат», нельзя представить афиши советского театра второй половины двадцатого столетия.

Я мог бы назвать еще не одно драматическое произведение Арбузова, в том числе цикл комедий-притч, в которых он с доброй и чуть грустной улыбкой повествует о судьбах дорогих его душе персонажей, в каждом из которых есть и он сам. Но, думаю, зритель знает их и без меня. Знает и — признает.

Одна из последних по времени пьес этого лирического цикла — «Старомодная комедия». Пьеса, сначала поставленная в Москве, быстро двинулась на сцены театров страны, столь же быстро перешагнула заграничные границы, ее увидели зрители Мадрида и Лондона, Бухареста и Софии, Рейкьявика и Токио, Парижа и Варшавы...

В чем секрет такого неординарного, повсеместного успеха?

Скромная история двух тянувшихся друг к другу немолдых, но очень обделенных

простым человеческим счастьем сердец, двух одиночеством, мужчины и женщины, с которыми так же сурово, как и с миллионами других мужчин и женщин, обошлась минувшая война...

Во многих пьесах, фильмах, в прозе Запада все настойчивее звучит тема, определенная уже навязшим в зубах, но все же довольно точным термином — некоммуникабельность.

Арбузов предлагает иной вариант всемирной проблемы. Владеет нечестой в нашей драматургии убеждающей, доверительной интонацией, позволяющей говорить на сцене о вещах глубоко интимных, он заставляет нас поверить, что душевное и духовное одиночество можно преодолеть, победить. Его старый тезис, что даже за день до смерти не поздно начать жизнь сначала, снова возникает и тут, однако без свойственной некоторым его предыдущим работам назидательности, и это придает «Старомодной комедии» еще большую силу. Утешительство? Счастливый конец? Ну что ж, они так же случаются в жизни, как и концы несчастливые. Изыщно построенный сюжет, улыбка и печаль, поэзия житейских реальностей и музыкально высокая нота, присущая этому

лирическому стихотворению в диалогах, — все способствует удаче драматурга. Сейчас «Старомодная комедия» выдвинута на соискание Государственной премии СССР.

Алексей Николаевич Арбузов — один из самых трудолюбивых сценических писателей, каких я знаю. А труд и талант — два слагаемых, без которых невозможен успех драматурга. Арбузов построил свою жизнь так, что она без каждодневного труда просто бессмысленна, противостественна.

Следом за «Старомодной комедией» явились «Жесткие игры». Тут вновь возвращение к молодежи, а стало быть, не только к современным молодым людям, но и к своей юности: ведь все, что пишет художник, он пропускает сквозь свою жизнь, свою биографию, свою душу.

Свое недавнее выступление перед миллионами телезрителей на вечере в Останкине Арбузов начал ссылкой на книгу известного английского писателя Сомерсета Моэма «Подводя итоги», заметив, что, видимо, и ему тоже пришла пора их подводить.

Думается, Арбузову подводить итоги — преждевременно.

Александр ШТЕЙН.

Клуб «Правды»

СТРАНИЦЫ
ТВОРЧЕСТВА